

Фольговые иконы XIX в.:
тверские и вологодские традиции

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Дмитрий Ю. Доронин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demetra2@mail.ru*

Аннотация. Авторы статьи рассматривают фольговые иконы-киотки, которые создавали в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. В это время возникли и начали динамично развиваться крупные и мелкие ремесленные центры создания икон-киоток. Мастера работали в монастырях, городах и селах. Более дешевые артефакты шли на широкую продажу, дорогие и качественные изготовляли для более состоятельных покупателей – чаще всего из среды купечества и мещанства. Крупнейшим центром производства стал Вязниковский уезд Владимирской губернии – села Палех, Мстера и Холуй. Вторым известнейшим центром была Борисовская слобода – фольговые киотки создавали в Богородице-Тихвинском монастыре и в слободе Борисовка Белгородской области. Борисовские иконы отличались высоким качеством, характерной живописью и сложной работой с фольгой, бумагой, бархатом и другими материалами. Однако кроме этих известных центров, в стране действовали другие, до сих пор не привлекавшие внимание исследователей. Как показывают авторы, интереснейшими в художественном и ремесленном плане были иконы, создававшиеся в Тверской и Вологодской губерниях. Местные мастера создали собственные характерные стили, которые были тесно связаны с традициями русского искусства и икононого дела XVI–XVIII вв. При этом иконы тверских и вологодских мастеров были родственны и в плане материалов, и в плане художественно-технологических решений. Исследование этих неописанных традиций – важная научная задача.

Ключевые слова: фольговые иконы, фолёжные иконы, иконы-киотки, XIX век, локальные традиции, вологодская традиция, тверская традиция

Для цитирования: Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Фольговые иконы XIX в.: тверские и вологодские традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 1. С. 148–165. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-148-165

Foil icons of the 19th century. Tver and Vologda traditions

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, antonov-dmitriy@list.ru*

Dmitrii Yu. Doronin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, demetra2@mail.ru*

Abstract. The authors describe foil icons, which were created in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. It was the period when large and small craft centers for creating kiot icon appeared in Russia and began to develop dynamically. The craftsmen worked in monasteries, towns and villages. Cheaper artifacts were widely sold, while expensive and high-quality ones were made for wealthier buyers, most often from the merchant class and urban commoners. The largest production center was the Vyaznikovsky district of the Vladimir province (the villages of Palekh, Mstera and Kholui). The second famous center was Borisov Settlement (Borisovskaya Sloboda) – foil icons were created in Bogoroditse-Tikhvin monastery and in Borisovka settlement of the Belgorod region. Borisov icons were distinguished by their high quality, specific paintings, and intricate work with foil, paper, velvet, and other materials. However, there were other large craft-centers in the Russia, centers that have not yet attracted the attention of researchers. As the authors show, most interesting in artistic and craft terms were the icons created in the Tver and Vologda provinces. Local craftsmen set their own distinctive styles, which were closely linked to the traditions of Russian art and icon painting of the 16th–18th centuries. The icons of the Tver and Vologda masters were kindred in terms of materials, as well as artistic and technological solutions. The study of those undescribed traditions is an important task.

Keywords: foil icons, kiot icons, 19th century, local traditions, Tver traditions, Vologda traditions, Tver traditions

For citation: Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2026), “Foil icons of the 19th century. Tver and Vologda traditions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 148–165, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-148-165

В середине XIX в. в Российской империи, благодаря распространению относительно дешевой фольги, произошло рождение иконы нового типа. Писаный или печатный (хромолитографический) образ помещали в деревянный киот и украшали ризой, и богатым декором из фольги, материи, бумаги, воска, бисера и т. п. Так рождалась сложная композитная икона, по своей морфологии и облику подобная богатым иконам в окладах из драгоценных металлов, камней, жемчуга и т. п. Иконы такого типа, *киотки* или *фолезки*, стали самым массовым, популярным и востребованным типом икон во второй половине XIX в. – и оставались таковым вплоть до революции.

О фольговых иконах-киотках упоминают многие публикации. Особое внимание привлекали, прежде всего, борисовские иконы, создававшиеся монахинями Богородице-Тихвинского монастыря и мастерами из крестьян слободы Борисовка (Белгородской губ.) [Охрименко 2001; Парасоцкая 2015; Припачкин 2006; Припачкин 2009]. Эти иконы отличались высоким качеством, их часто изготавливали для состоятельных людей из крестьянских и городских слоев, а также для храмов.

Как ни парадоксально, исследователи традиционно игнорировали сложнейшие декоры икон, которые и составляли особенность каждой традиции. В фокусе внимания были исключительно изображения, которые для самих мастеров, заказчиков, покупателей были лишь компонентом богатой комплексной, композитной иконы. Декор чаще всего упоминается вскользь, как нечто мало-значимое. Иногда речь в публикациях идет о ремесле, о промыслах, которые позволяли создавать иконы-киотки [Злотникова 2023]. Однако сами фольговые иконы до недавнего времени не были исследованы как отдельное художественное, культурное и религиозное явление – хотя явление это было масштабным, значимым и удивительно многообразным (см. наши публикации последних лет: [Антонов 2024а; Антонов 2024б; Доронин 2024]).

В нашей статье мы поговорим о некоторых общих процессах, развивавшихся во второй половине XIX в., а затем обратимся к двум почти не описанным до сих пор традициям фольговой иконы – тверской и вологодской.

Рождение фольговой киотки

Во второй половине XIX в. экономика русского иконного дела усложнилась: крупные мастерские-артели иконщиков поглотили более мелкие, а затем возникли иконные фабрики с разными по

специализациям цехами¹. Эти производители ориентировались на «сорта особо расхожих, пользующихся массовым спросом икон», на наиболее экономные технологии и устойчивые стандарты типов изображений [Брюсова 1984, с. 95–96].

Фольга была важнейшим материалом в бурном развитии производства расхожих икон в XIX в.: икончики создавали разные типы фольговых икон. Фольгу, например, могли использовать не только для создания риз и декора киота, но и для нанесения на нее изображения – лика святого². После изобретения Бориса Якоби в 1838 г. технологии гальванизации в распоряжении иконщиков поступает новый вид качественной (серебряной, золоченой, медной и пр.) фольги. Сначала, однако, из-за дороговизны гальванизированной фольги как модного материала новая фольговая икона оказалась в помещичьих усадьбах [Коровин 2024]. Для крестьян мастера продолжали обрывать иконы дешевой прокатной фольгой из станиоля, латуни и меди [Вальчак 2021; Доронин, Коровин 2025].

Позже иконы с гальванизированной фольгой, но более простые и дешевые в украшении, приходят и к крестьянам. К концу XIX в. они необычайно популярны среди простого народа. На дешевых небольших иконах кусок золоченой фольги просто накладывали на икону и прибавляли к ней гвоздиками. По фольге прорисовывали стилем и накаткой основные линии скрытого под ней изображения (фигуры святых).

На иконах для более состоятельных людей фольгу использовали для создания пышных, ажурных окладов, риз и сложных (составных и накладных) элементов декора. Такой оклад окружал писанную, реже хромолитографическую иконку, которую закрепляли в центре киота. Внутри киота фольговые украшения имитировали храмовые ризы и декор церковных образов. В ход шла не только фольга, но бумага, воск, ткань, бисер, бусины и стеклярус; по периметру крепили свечи, сухоцветы и искусственные цветы. Так родились «киотки», или «фолежки», XIX в.

¹ Более подробно о капитализации иконного дела и связанных с ним производств и предприятий (в контексте нашей статьи это – фольгоуборные мастерские, фольговые заводы и ризочеканные заведения) см.: *Кондаков Н.П.* Современное положение русской народной иконописи. СПб.: Тип. Скороходова, 1901; *Леонтьев П.Ф.* Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии: Вязниковский уезд: Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903. Т. 4. Вып. 3. С. 30–42; [Борисов 2019; Доронин 2022; Доронин 2024].

² Методом отпечатка или чеканкой. См. об этом подробнее: [Доронин, Коровин 2025].

Фольговые иконы-киотки стремительно завоевали рынок, причем в двух своих формах – более дорогой и более доступной для крестьян и городской бедноты. Более дорогие фольговые иконы-киотки создавали из более качественной толстой фольги с использованием украшений, завозимых зачастую из-за границы (стеклянные бусы, бисер). Для декора применяли вставки из бархатных тканей, витые нити и кисти из серебряной канители и трунцала, а помимо бус могли использовать и жемчуг.

Можно говорить о городской моде на такую икону в некоторых регионах, таких как Тверская, Новгородская, Вологодская губерния. Примечательно, что и дешевая фольговая киотка для крестьян привела к значительным трансформациям в иконном промысле. «В последнее время фольговые иконы стали значительно вытеснять обыкновенные. Убранные фольгою иконы гораздо красивее простых, а потому гораздо привлекательнее для народа», – писал автор-аноним Н.Н.Е. на страницах Санкт-Петербургского «Церковного вестника»³.

Именно фольгопрокатные и фольгоуборочные заведения приносили в те годы наибольший доход. Фольговая промышленность переживала расцвет – только в Мстёре, согласно рукописи «Описание фабрик, заводов и торгово-промышленных заведений Вязниковского уезда 1911 г.», фольгопрокатных и фольгоуборных мастерских насчитывалось 24⁴ [Борисов 2019, с. 58].

Благодаря моде и высокому спросу во многих регионах Российской империи сложились разные оригинальные стили оформления фольговых икон-киоток. Они отличались и декором, и материалами. К примеру, тверские мастера создавали копии роскошно украшенных храмовых икон. С помощью серебряной фольги, бисера и трунцала они имитировали не только оклады храмовых икон, но даже интерьер барочных церквей – колонны с канелюрами, матерчатые занавеси с кистями. Похожие иконы, украшенные бисером и трунцалом, делали в Вологодской и Новгородской губерниях.

³ *Н.Н.Е.* Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. Часть неофициальная. 1878. № 16. 29 апр. С. 3.

⁴ Одна из крупнейших мстёрских иконных фабрик на рубеже XX–XIX вв. – это фабрика В.С. Крестьянинова и его наследников. Крупное фольгопрокатное предприятие, оснащенное передовыми механическими и химическими технологиями, например, гальванизацией, принадлежало И.Е. Мумрикову. Подробнее об этом см.: *Кондаков Н.П.* Указ. соч.; [Борисов 2003; Доронин 2022].

Чуть южнее находилась зона влияния «суздальщины» – так назывался крупнейший ремесленный центр дешевых («расхожих») икон в Вязниковском уезде Владимирской губернии (села Мстёра, Палех, Холуй). Вязниковские иконы-киотки выглядели проще, чем тверские или вологодские: мастера обычно покрывали фольговые уголки и боковины пробивным и чеканным орнаментом. Они предпочитали золоченую фольгу.

Иконщики южных российских губерний, как и их северные коллеги, делали сложные и качественные «фолежки». Они работали с золоченой фольгой, украшая иконы искусственными цветочками, прорезным и накладным орнаментом. Лики святых утопали в ажурных фольговых кружевах и «облачках», тонули в богатом растительном декоре. Самый крупным и знаменитым южным центром промысла фольговых икон была уже упомянутая нами слобода Борисовка.

Вологодские, тверские и поволжские (ульяновско-саратовские) традиции фольговых икон-киоток до сих пор не были серьезно исследованы. Они практически не представлены в музеях. Несколько больше повезло тверским фольговым иконам – но опять-таки не из-за фольги, а из-за деревянных резных фигурок св. Нила Столобенского, которые часто помещали в киот вместо писаных или печатных изображений. Таким образом, в основном благодаря антикварам и коллекционерам, стал известен только один из типов тверской фольговой иконы (эти киотки хорошо представлены в коллекции музея Нило-Столобенской пустыни), в то время как другие до недавнего времени оставались неизвестными и неопианными.

Эта ситуация может показаться странной, учитывая, что иконы всех трех традиций очень яркие в художественном плане, интересные и сложные в ремесленно-технологическом аспекте. Они привлекают внимание своими материалами: гальванизированная под золото и серебро фольга, бисер и бусины, жемчуг, бархат... Каким образом такое богатое наследие оказалось в тени и не привлекло внимание специалистов? Ответ на этот вопрос связан с низким статусом фольги, на которую в силу определенных причин, смотрели как на низкостатусный материал (см. об этом подробнее: [Антонов, Завьялова 2024]). Борисовские иконы при экспонировании или публикации часто вовсе лишали сложного убранства из множества материалов – фольги, тканей, бумаги, сухоцветов и т. п. – чтобы показать лишь образ, написанный на доске. Это, казалось бы, странное отношение к иконе, которую буквально лишали всего сложнейшего убранства, диктуется общим негативным отношением к иконным ризам и окладам. Оно родилось в начале XX в., после открытия

(расчистки) русских икон в результате научной реставрации и превращения икон в музейные экспонаты, где они демонстрировались как «чистые изображения». Пересборка понятия «икона», произошедшая в это время, привела к тому, что под этим словом стали понимать исключительно живопись, а не комплексный, композитный объект – какими русские иконы были на протяжении веков своего существования в храмовой среде (см. подробно: [Антонов 2024]). Неудивительно, что исследовать иконы в ризах и окладах, тем более созданных не из драгоценных металлов, а из фольги, казалось ненужным (см. об этом также: [Стерлигова 1994; Стерлигова 2000]). Несмотря на высочайший художественно-ремесленный уровень многих фольговых икон, их статус в кругах искусствоведов и историков был низким, что определялось «музейной» семиотической идеологией и специфической оптикой, родившейся в начале XX в. Однако это, безусловно, неверный подход – игнорирование огромного пласта искусства, материальной, религиозной культуры XIX – начала XX в. привело к исчезновению уникальных артефактов. Спасение и изучение сохранившегося материала – актуальная научная задача.

Вологодские фольговые иконы

В Вологодской области наши экспедиции 2024–2025 гг. выявили несколько видов фолешной иконы XIX в. Их оклад и ризы напоминают тверские – основным их материалам была качественная гальванизированная (серебрёная и золоченая) медная фольга того же типа, что фольга тверских киоток. Некоторые элементы декора тоже оказываются общими: декор из скрученной канители и трунцала, крупные бусины из цветного (бирюзового, голубого, зеленого, красного, розового, перламутрового) стекла, бисер, блески, стразы и иногда жемчуг. Все это явно роднит вологодские и тверские киотки.

О тверских фольговых иконах, их особенностях и нескольких видах, речь уже шла в публикации 2025 г. [Антонов 2025]. Для них характерны крупные элементы в углах – как правило, это фольговые цветы, реже – «древесные листья» из золоченой фольги. Мастера использовали разноцветный бисер и бусины, делая из них окантовки фигур и нимбов (часто – окантовки одежды, фольговой ризы). Кроме того, активно использовали трунцал, часто изготавливая из него боковые ажурные колонны, а также окантовки нимбов. В оформлении многих икон мастера копировали убранства барочных храмов.

Аналогичные приемы были характерны для вологодских икон. Тот же бисер и бусины (включая специфические, качественные, поставляемые из-за рубежа), тот же трунцал, те же окантовки фигур и нимбов. Точно так же опорным элементом икон оказывались крупные элементы в четырех углах киотки. Однако вместо цветов вологодские мастера помещали туда специфические «веточки», которые мы опишем ниже (ил. 1, 2).

Ил. 1. Вологодская икона-киотка, конец XIX в. Для создания оклада мастерицы выбирали гальванированную фольгу разных типов – посеребрённую, золоченую или фольгу, окрашенную под золото. Богоматерь Знамение, фольговая икона-киотка, рубеж XIX–XX вв. Фото авторов

При всем сходстве, морфология фолежного убора вологодских икон отличалась по многим параметрам. Вместо барочных колонн, завесей, кистей тверского убора большинство вологодских мастеров обращались к традициям северной объемной вышивки. Узоры вологодских фольговых икон напоминают декор, который встречался на церковной утвари, на вышивке и на иконах XVI–XVII вв. Подтверждением тому служат, например, многочисленные артефакты орнаментального и лицевого шитья XVII–XIX вв. из экспозиции корпуса «Архимандричьи кельи» Кирилло-Белозерский историко-архитектурного музея-заповедника. Эти артефакты (облачения духовенства, комплекты покровцов, оклады икон и т. п.) изготовляли московские мастерицы, а также мастера Кирилло-Белозерского, Горицкого,

Ферапонтова и других монастырей. Помимо сажения по бели, в их изделиях присутствовали фольговые и парчовые вставки, элементы декора из трунцала, канители, бус и бисера. Все это, но в более дешевом варианте, использовали при создании фольговых икон-киоток XIX в.

Очевидно, деятельность вологодских ремесленных изб и работы местных мастериц могли дать начало локальным традициям фольжной иконы XIX в. Они были предназначены уже не только для князей и богатейших храмов, но и для менее богатого покупателя из купеческих, мещанских и зажиточных крестьянских слоев. Как и в более южных центрах иконного дела, на Русском Севере сформировалась своя экономика производства фольговых икон.

Говоря о распределении локальных традиций в Вологодской губернии (не только иконного, но и других промыслов и ремесел) необходимо иметь в виду историко-экономическую разнородность региона: в разные века и десятилетия его районирование различалось, а часть современных районов относилось к Новгородской, Архангельской и другим губерниям. До 1918 г. Вологодская губерния доходила до Уральских гор, включала в себя значительную часть современной территории Республики Коми (Усть-Сысольский уезд). Мы исследовали не все регионы, на востоке ограничившись пока Великоустюгским, Нюксенским, Бабушкинским и Тотемским районами. Однако география экспедиций была широкой и позволила выявить два типа икон в рамках вологодской традиции.

Вологодский запад

В юго-западных уездах Вологодской губернии (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский) в большей степени было развито сельское помещичье хозяйство. Этот регион был в большей степени связан с Москвой, Ярославлем и другими богатыми историко-культурными регионами России. Здесь, под влиянием Москвы, складывались монастырские ремесленные центры женского рукоделья. Исторически наиболее значимым таким центром был Горичский монастырь: в середине XVI в. золотошвейные мастерские создала здесь Ефросинья Старицкая – насильно постриженная в 1563 г. княгиня, тетя Ивана IV.

Начало XIX в. связано с новым возрождением деятельности этих мастерских под управлением игуменьи Маврикии. Вероятно, в этот период и возникла расхожая фольговая икона вологодского

запада. В «Летописи Горицкого монастыря»⁵ есть скудные сведения о фольговых иконах, например: «Так замечательна икона по правую сторону царских врат Воскресения Христова, с изображением на ней же сошествия Господа во ад и Вознесения Его на небо. Риза на ней *шита по фольге жемчугом*, а сияния золотом»⁶.

В другом месте летописи сообщается о чуде с одной из икон: «пред нашествием Наполеона появились слезки из очес сей Царицы Небесной». Эти слезки были собраны, и от них «потом получались исцеления», а иконе «усердием сестер сооружена была *фольговая риза* на нее»⁷.

Согласно данным о монастырских мастерских середины XIX в., почерпнутым из государственного архива Вологодской области, оклады из фольги делали и в Вологодском Горне-Успенском женском монастыре⁸. Так, в «Донесении игуменьи Вологодского Горнего Успенского женского монастыря Раисы епископу Вологодскому и Устюжскому Евлампии о занятиях монахинь ремеслами» от 10 марта 1848 г. сообщается следующее: «Вследствие словесного приказанья вашего преосвященства о доставлении мною сведения о том, какими мастерствами занимаются сестры во вверенном управлении моему Успенском девичьем монастыре, честь имею почтеннейше донести, что они занимаются различными мастерствами, а именно: а) шьют жемчугом...» Далее следуют поименные списки монахинь, которые шьют жемчугом (3 чел.), шьют золотом (3 чел.), шьют шерстями (1 чел.), шьют ризы и другие различного рода портницы (более 4 чел.), занимаются прядением и окрашиванием ниток (8 чел.), тканьем различного рода тканей (20 чел.), вязанием чулков (6 чел.). Приведем здесь имена инокинь, которые были связаны с промыслом фольжных икон: итак, «облагают образа фольговыми ризами: Катерина Ильина, Александра Попова, Елена Ильина, Таисия Воронина, Марья Андреева, Катерина Васильева, Надежда Алексеева, Елена Павлова»⁹.

⁵ Рукописная летопись хранится в фондах Кирилло-Белозерского музея-заповедника под названием «Сведения о Горицком женском монастыре». Составители летописи неизвестны, время ее ведения предположительно указывается как 1896–1913 гг. Подробнее см.: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2161> (дата обращения: 04.11.2025).

⁶ Там же. Здесь и далее курсив наш – *Авт.*

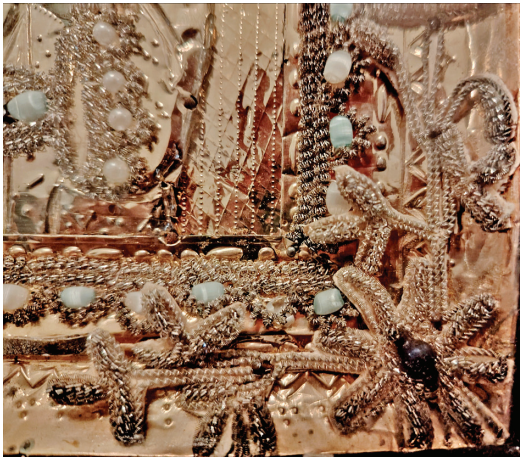
⁷ Там же.

⁸ Старая Вологда: XII – начало XX в.: сб. документов и материалов. Вологда: ИПЦ «Легия», 2004. С. 407.

⁹ Гос. архив Владимирской обл. (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 11740. Л. 1–2: Донесение игуменьи Вологодского Горнего Успенского женского монастыря Раисы епископу Вологодскому и Устюжскому Евлампии о занятиях монахинь ремеслами 10 марта 1848 г. (Подлинник. Рукопись)

Наши исследования на вологодском центральном западе (прежде всего в Вологодском, Кирилловском, Сокольском и Усть-Кубенском районах) позволили обнаружить десятки фольговых икон XIX в., украшенных местными мастерами в схожей декоративной манере. Большинство из них были сделаны если не самими мастерами-инокинями, то под несомненным влиянием мастерских Горицкого и Вологодского монастырей. Как показывают примеры других регионов, прежде всего Борисовской слободы, успешное монастырское ремесло быстро подхватывали и развивали жители окрестных сел и деревень.

Главным элементом декора этих фолезек были уголки, выполненные в старинной технике «сажения по бели». «Бель», то есть шнур или толстую нитку, обшивали трунцалом, бисером, бусинами, а затем завивали в разные узоры. В каждом из четырех углов киота украшенный таким образом шнур вологодские мастера сворачивали, создавая крупный, легко узнаваемый элемент – многолучевой цветок-звезду с двумя расходящимися от него ветвями-«побегами» (ил. 2).

Ил. 2. Многолучевой цветок-звезда с двумя расходящимися от него ветвями-«побегами» – характерный элемент украшения икон на XIX в. на западе Вологодской области, выполненный в технике сажения по бели. Алексей, человек Божий, фольговая икона-киотка, рубеж XIX–XX вв. Фото авторов

В центре цветка и по концам ветвей вшивались крупные цветные бусины. Бель нашивали на основание из картона – его вырезали фигурно, под форму самого «цветка», так, что основание не было видно из-под трунцала и бисера. В похожей технике объемной вышивки они могли украшать не только уголки иконы, но и другие ее элементы – нимб или ризы святого. Выполнение этих элементов было весьма вариативным и зависело, видимо, как от творческого решения мастерицы, так и от стоимости создаваемой фолержки: например, основой «ветвей» уголков мог быть струнцал или просто шнур-бель, с нашитыми на концах бусинами, или же плотные низки бисера и пр.

Еще один характерный прием вологодских мастериц – имена святых, написанные темно-фиолетовыми чернилами на кусочках белой бумажной ленты (ил. 3). Эти бумажные надписи вклеивали в фолержный убор, копируя таким образом накладные металлические пластины с надписями на крупных храмовых иконах XVI–XVII столетий.

Ил. 3. В технике сажения по бели вологодские мастерицы украшали и другие элементы иконы, прежде всего нимб или ризы святого.

Справа и слева на уровне плеч святого видны бумажные вставки с чернильными надписями:
«Св. Николай» (слева) «Чудотворецъ» (справа).

Николай Чудотворец, фольговая икона-киотка, рубеж XIX–XX вв.

Фото авторов

Вологодский восток

Восточнее находились труднодоступные таежные территории с рискованным земледелием (Устюгский, Вельский, Никольский, Тотемский, Сольвычегодский уезды), здесь помещичье хозяйство было нерентабельным, крепостного права не было. В северо-восточных уездах (Усть-Сысольский, Яренгский) местами преобладало инородческое (коми-зыряне) население¹⁰. Государственные крестьяне на вологодском востоке были больше заняты ремеслами и промыслами – отхожими и местными (например, дёгтекурение, изготовление предметов быта). Селилось крестьянское население посреди лесов «кустами», «углами». В каждом «углу» развивались свои локальные формы народных промыслов и ремесел (резьбы, росписи и пр.), изделия которых успешно конкурировали между собой даже на крупных ярмарках Москвы и Нижнего Новгорода. Для этих «кустов» была характерна соревновательность, основанная на хорошо осознаваемой мастерами самобытности их ремесел. Это, по всей видимости, могло относиться не только к разнообразным стилям, «пошибам» в росписях прялок, сундуков и т. п., но и к традициям местных фольговых икон. Однако на настоящий момент мы выявили только один специфический тип икон вологодского востока.

В Великоустюгском и соседних районах мы обнаружили фольговые иконы, подобные по качественной гальванизированной фольге западно-вологодским, но отличные по основным элементам декора. Уголки в технике сажения по бели с бисером здесь были редки. Вместо этого мастера делали накладные уголки, выполненные из листовой фольги. Форма осталась общей – как и на вологодском западе, каждый уголок имитировал цветок с двумя ветвями-побегами. Однако технология была совсем иной – ветви с цветком-сердцевинкой вырезали из фольгового листа и покрыты чеканным узором. Такие ветки напоминали либо дубовые листочки, либо, в других случаях, побеги с остроконечными листочками. Чаще всего их закрепляли в киоте, прибывая к фольговому окладу мелкими гвоздиками.

О мастерских востока Вологодчины, в которых украшали фольговые иконы, известно пока крайне мало. Согласно архивным данным середины XIX в., оклады из фольги делали в великоустюгском Иоанно-Предтеченском монастыре¹¹. В документе «Об имею-

¹⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа Киселева. Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. М.; Л., 1946. С. 380.

¹¹ Там же.

щихся в мужских и женских монастырях мастерских. По запросу хозяйственного Управления при Святейшем Синоде» № 8787 от 4 марта 1914 г. (Л. 3 об.) был получен ответ: «В Устюжском Иоанно-Предтеченском иконописные, шитье золотом, шелком, синелью гладью и шерстями, *украшения святых икон фольгою*, тканье ковров, вязанье из шерсти платков и женской обуви, ремесла красильное, столярное, сапожное и пчеловодство»¹². В подобной сводке по монастырским мастерским за 1915 г. сообщается: «В Устюжском Знаменно-Филипповском монастыре: живописная, *фольговая*, белошвейная, шитье шелком и шерстями, башмачное, столярное, красильное. Помещаются мастерские в кельях сестер»¹³. Какие еще ремесленные центры функционировали в этом регионе, покажут будущие исследования.

Как возникло родство вологодских и тверских фольговых икон – отдельный вопрос. Совпадения материалов и технологий слишком очевидны, чтобы предполагать случайное совпадение – тем более на фоне фольговых икон других регионов, которые явно отличались своей морфологией от тверских и вологодских. Каналы влияния, взаимосвязь ремесленных центров еще предстоит выявить и описать. Однако уже сейчас очевидно, что иконы обеих традиций занимают важнейшее место в истории российских фольговых икон XIX – начала XX в. наравне с вязниковскими и борисовскими киотками.

Благодарности

Авторы выражают благодарность старшему научному сотруднику Вологодского музея-заповедника Е.А. Виноградовой, а также заведующему научно-экспозиционного отделом Архитектурно-этнографического музея Вологодской области «Семёново» Д.А. Мухину.

Acknowledgements

The authors would like to thank Elena Vinogradova, senior researcher at the Vologda Museum, and Dmitriy Mukhin, head of the scientific and exposition department of “Semenkovo” Architectural and Ethnographic Museum of the Vologda Region

¹² ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19 520. Л. 1914.

¹³ Там же. Д. 19 623. Л. 5.

Литература

- Антонов 2024а – Антонов Д.И. Икона-«гнездо»: История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3 (42). С. 60–99.
- Антонов 2024б – Антонов Д.И. Новогодняя елка и фолежная икона: неочевидное родство и социальные биографии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3 (42). С. 232–248.
- Антонов 2025 – Антонов Д.И. Фольговые иконы XIX в.: к вопросу о стратегиях мастеров // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 55–69.
- Антонов, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Завьялова А.И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3 (42). С. 136–163.
- Борисов 2003 – Борисов В.В. Промышленные и торговые заведения слободы Мстёры в 1911 г. // История населенных мест Владимирской области: Материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2003. С. 64–69.
- Борисов 2019 – Борисов В.В. Промышленные предприятия и торговые заведения слободы Мстёры в 1911 г. // Гольшевские чтения: материалы 7-й и 8-й краеведческих конференций (Мстёра, 10 декабря 2017 г. и 16 декабря 2018 г.) / сост. Т.Е. Коткова. Мстёра; Владимир: Транзит-ИКС, 2019. Вып. 7–8. С. 55–62.
- Брюсова 1984 – Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. 337 с.
- Вальчак 2021 – Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подокладные (фолежные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // *Studia Humanitatis*. 2021. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (дата обращения: 15.10.2025).
- Доронин 2022 – Доронин Д.Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин 2024 – Доронин Д.Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3 (42). С. 100–135.
- Доронин, Коровин 2025 – Доронин Д.Ю., Коровин В.Ю. Копченая икона: сажа и святость // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 70–104.
- Злотникова 2023 – Злотникова И.В. Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние // Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние: Материалы научной конференции, 24–25 июня 2022 г. М.: Северный паломник, 2023. С. 7–39.
- Коровин 2024 – Коровин В.Ю. Фолежные иконы в Воронежском крае: к постановке вопроса этнографического изучения // Народная культура и проблемы ее

- изучения: Афанасьевский сборник: Материалы XII научной региональной конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. С. 101–105.
- Охрименко 2001 – *Охрименко И.Г.* Иконный промысел в Борисовке (XIX–XX вв.) // Белгородский краеведческий вестник. Вып. 1. Белгород: Изд-во БГУ, 2001. С. 90–94.
- Парасоцкая 2015 – *Парасоцкая А.И.* Иконопись слободы Борисовка: история и современность // Актуальные проблемы историко-краеведческих исследований. Сб. научных трудов / отв. ред. Е.Ю. Болотова. Волгоград: ИП Головченко Е.А., 2015. С. 233–236.
- Припачкин 2006 – *Припачкин И.А.* О борисовском иконообделчестве // Известия Тульского государственного университета. Серия «История и культурология». 2006. Вып. 5. С. 112–117.
- Припачкин 2009 – *Припачкин И.А.* Иконописание слободы Борисовки. Курск: Полстар, 2009. 208 с.
- Стерлигова 1994 – *Стерлигова И.А.* О литургическом смысле драгоценного убора русской иконы // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство / ред.-сост. А.М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 220–229.
- Стерлигова 2000 – *Стерлигова И.А.* Драгоценный убор древнерусских икон XI–XIV вв.: Происхождение, символика, художественный образ. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 264 с.

References

- Antonov, D.I. (2024) “The ‘nest’ icon. The history of complex shrines. From temple icons to Soviet ‘kiotki’ (icons in image cases)”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 42, no. 3, pp. 60–99.
- Antonov, D.I. (2024) “The New Year Tree and the foil icon. Non-obvious kinship and social biographies”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 42, no. 3, pp. 232–248.
- Antonov, D.I. (2025), “Foil icons of the 19th century. On the issue of the craftsmen’s strategies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 55–69.
- Antonov, D.I. and Zav’yalova, A.I. (2024), “Soviet icons and semiotic ideologies. What guides people when they guide icons”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, vol. 42, no. 3, pp. 136–163.
- Borisov, V.V. (2003), “Industrial and commercial establishments of the settlement of Mstyora in 1911”, in *Istoriya naseleennykh mest Vladimirskoi oblasti: Materialy oblastnoi kraevedcheskoj konferentsii* [Proceedings of the regional local history conference “The history of settlements in the Vladimir region”], Vladimir, Russia, pp. 64–69.
- Borisov, V.V. (2019), “Industrial establishments and commercial establishments of the settlement of Mstyora in 1911”, in Kotkova, T.E, ed., *Golyshevskie chteniya: materi-*

- aly 7-i i 8-i kraevedcheskikh konferentsii (Mstera, 10 dekabrya 2017 g. i 16 dekabrya 2018 g.)* [Golyshev Readings. Proceedings of the Local Lore, Mstyora, December 10, 2017, December 16, 2018], Tranzit-IKS, Vladimir, Russia, pp. 55–62.
- Bryusova, V.G. (1984), *Russkaya zhivopis' XVII veka* [Russian painting of the 17th century], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest region. Genesis and local traditions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–93.
- Doronin, D.Yu. (2024), “Shining shrines. The craft of popular icons and its affordances in the 19th – 20th centuries”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 42, no. 3, pp. 100–135.
- Doronin, D.Yu. and Korovin, V.Yu. (2025), “Smoked icon. The soot and the holiness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–104,
- Korovin, V.Yu. (2024), “Foil icons in the Voronezh region. On the issue of ethnographic study”, in *Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya: Afanasievskii sbornik: Materialy XII nauchnoi regional'noi konferentsii* [Folk culture and the issue of its study. Afanasiev collection. Materials and research], Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr “Nauchnaya kniga”, Voronezh, Russia, pp. 101–105.
- Okhrimenko, I.G. (2001), “Icon craft in Borisovka (19th – 20th centuries), *Belgorodskii kraevedcheskii vestnik* [Belgorod Regional History Bulletin], iss. 1, Izdatel'stvo BGU, Belgorod, Russia.
- Parasotskaya, A.I. (2015), “Iconography of the Borisovka settlement. History and the present”, in Bolotova, E.Yu., ed., *Aktual'nye problemy istoriko-kraevedcheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov* [Current issues of historical and local history research. Collected scientific papers, IP Golovchenko E.A., Volgograd, Russia, pp. 233–236.
- Pripachkin, I.A. (2006), “About Borisov icon-making”, *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya i kulturologiya”*, iss. 5, pp. 112–117.
- Pripachkin, I.A. (2009), *Ikonopisanie slobody Borisovki* [Iconography of the Borisovka settlement], Polstar, Kursk, Russia.
- Sterligova, I.A. (1994), “On the liturgical meaning of the precious embellishment of the Russian icon”, in Lidov, A.M., ed. *Vostochnokhristianskii khram: Liturgiya i iskusstvo* [Eastern Christian church. Liturgy and art], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 220–229.
- Sterligova, I.A. (2000), *Dragotsennyi ubor drevnerusskikh ikon XI–XIV vv.: Proiskhozhdenie, simvolika, khudozhestvennyi obraz* [The precious headdress of Old Russian icons of the 11th – 14th centuries. Origin, symbolism, artistic image], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Walczak, D. (2021), “Icon in a shining framework in every house. Linen icon (folezh) in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries”, *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (Accessed 15 Oct. 2024).

Zlotnikova, I.V. (2023), "Iconography and folk crafts. Their connection and mutual influence", in *Ikonopis' i narodnye promysly: ikh svyaz' i vzaimnoe vliyaniye: Materialy nauchnoi konferentsii, 24–25 iyunya 2022 g.* [Iconography and folk crafts. Their connection and mutual influence. Proceedings of the Scientific Conference, June 24–25, 2022], Severnyi palomnik, Moscow, Russia, pp. 7–39.

Информация об авторах

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Дмитрий Ю. Доронин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; demetra2@mail.ru

Information about the authors

Dmitrii I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru

Dmitrii Yu. Doronin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; demetra2@mail.ru